

Память сердца

Замира ИБРАГИМОВА

ЧИТАЮ САМОХИНА

В 1989 году Его не стало, друга моего, приговорившего себя к не-жизни.

И черный с тех пор день – 11 января – не обойти мне, не объехать, не забыть, не зачеркнуть.

Друг ушел по собственному желанию.

Его право.

Горстке близких осталась дата. Их мука.

Читаю Самохина. Николая Яковлевича. Юмориста. Сатирика. Лирика. Бытописателя «прежней жизни».

Читаю – смеюсь и плачу.

Точнее – плачу и смеюсь.

Еще точнее – плачу, смеюсь, плачу.

Не иначе как возрастное. Всё – сквозь слезы: свое минувшее, чужое настоящее, перспективы ненаглядной Родины, безоглядно перемалывающей судьбы идей, людей, полезных ископаемых и бесполезных памятников.

Тут бы меня Самохин и остановил:

– Не формулируй, мать, не формулируй. Шибко гладко.

И не буду, Коля. Разучилась. Внезапно и напрочь. Жестокий твой самосуд навсегда, кажется, лишил меня былого красноречия. Когда мне дали слово на ритуале прощания с Тобой, я тщилась объяснить себе и другим, почему мы тебя так страшно потеряли.

Что-то о беспощадном времени, предпочитающем живые мишени учебно-тренировочным муляжам.

Бормотала – и выдыхалась на полупhrase.

Ты прав – врут формулировки. И ничего не объясняют. А можно что-нибудь объяснить в Твоем случае? Нужно?

«Беспощадное время»... А когда оно было «пощадным»? Когда ты смеялся, а власти гневались, обижались, запрещали, сокращали, возведя Тебя в сан «очернителя» со всеми подобающими сану «почестями»?

Формулировки – чушь. Факты состоятельнее?

Власти очернителя не жаловали, но книжки – худо-бедно – выходили, пробились сквозь толщи бдительных слоев и расходились мгновенно, не нуждаясь ни в завлекательном глянце, ни в интригующей рекламе.

Нелюбовь властей компенсировалась неизменной любовью читателей.

Тьфу... Опять чушь. О какой компенсации речь, когда автор и не искал у властей ни любви, ни покровительства?

Словом, книжка за книжкой. Первая – в 62-м, в «Библиотеке одного рассказа», сентиментальное лирическое сочинение, по которому никак не распознаешь будущего грустного пересмешника. Две последних – при жизни – в 88-м, повести и рассказы, изрядная часть которых благополучно перекочевала из маленьких тоненьких сборничков середины и конца шестидесятых в твердокорочные солидные тома конца восьмидесятых.

Газетный юморист развивается в серьезного прозаика, на новые произведения которого отзывается серьезная критика.

Много написано о Самохине доброжелательного и одобряющего «анализа», но самого Колю, помню, зацепила одна оценка. Если не ошибаюсь, она содержалась в личном письме столичного критика, которое мне Коля и процитировал не без удовольствия.

Письмо называло Самохина должителем «зощенковско-шукшинского направления» в литературе.

Ни гордиться, ни хвастаться своими успехами Коля не умел.

Не уверена даже, что он способен был и втайне-то восхищаться собой – природа самоеда, маетная запрограммированность.

Но этот высший ряд – Зошенко, Шукшин – изумил его по-детски, обрадовал, конечно, однако же, не убедил в правомочности отведенного ему места.

Чего-чего, а способности «мнить о себе» лишен был начисто.

Хотя оснований у Него к тому было больше, чем у многих издававшихся, да нечитаемых. Самохин и читался, и почитался.

Газетные статьи обсуждались. Книжки не залеживались. Имя радовало. И текстов своих мог не стыдиться и через десять, и через двадцать лет. Для публициста почти невероятно, а Он и в публицистике оставался художником, «художником-аналитиком», по определению литературоведов.

Определение можно и не принимать, но нельзя не удивиться прелестной свежести даже маленьких рассказиков с несомненными приметами времени написания, канувшего в Лету. Загадка?

Вечная загадка таланта. Очаровательная и непостижимая.

И – мрачная загадка ухода.

На полках десятка два, а то и больше, собственных книг, изданных и в сибирской провинции, и в столице, и на чужих языках.

Красивые, славные дети – сын и дочь, внуки – Илья и Николай. Между прочим, Николай Яковлевич Самохин-младший.

И «факты», и «аргументы» – всё в пользу жизни.

А Он уходит. Почему?!

Две, повторю, книги увидели свет в последний год Его жизни. Одна в Новосибирске, названная незатейливо – «Юмористические рассказы». Вторая в Москве, в издательстве «Современник». Две повести и рассказы в одном «Мешке кедровых орехов».

И книги опять нашли читателя, хотя времена круто переменялись.

В отличие от своих сочинений автор оказался куда более чувствительным к резким переменам общественных метеоусловий.

Никогда не слагавший гимнов и хвалебных песен прежней жизни, автор страшно мучился от огульного ее очернения.

Тогда Он противостоял тотальной лакировке. Теперь не мог принять тотального охаивания.

И новая ложь оказалась для Него пошлее старой.

Потому как, и силы не те, и натура неприспособленческая.

Терзался страшно. Легкость отречения от прожитого, демонстрируемая многими собратьями по перу, вызывала в Нем недоумение и отчаяние.

Кто-кто, а Он мог бы, кажется, без особого труда составить себе скоротечный капитал на каких-нибудь «воспоминаниях очернителя», которого зажимали, преследовали, давили, угнетали. Нашлось бы Ему что вспомнить, а ежели бы еще дать волю воображению в угоду спросу на страдальцев...

Но это был бы не Самохин.

Самохин же в повести «... Тому назад», опубликованной уже после Его ухода («Сибирские огни», № 6, 1989), мучительно открывал: «Ничто ведь из ничего не происходит! И люди, увы, не меняются. И вся высочайшая нравственность, и добро, и милосердие; и вся ужасающая безнравственность и чудовищное зло, и тупая жестокость – всё оттуда, от народа...».

Торговать страданиями Самохин не мог, не хотел, никогда не умел. Страдал же от происходящего глубоко и безысходно. Безысходно? Меньше чем за четыре месяца до его ухода был подписан в свет номер «Сибирских огней» с Его подводящей итоги «Песней»:

Пора достойно умереть,
Пора нам умереть достойно –
Не ждать пока благопристойно
Нас отпоет оркестров медь.
Наш бой проигран – и шабаш!
Хоть мы всё время наступали,
Да не туда коней мы гнали –
Промашку дал фельдмаршал наш...

Опубликованы стихи в ноябрьском номере журнала, а в январе Николая Самохина не стало.

Достойный Он нашел выход? Не знаю. Не мне судить. Мне бесконечно больно от случившегося. И вина, и го-

речь, и мрак этой даты со мной, до конца мне отведенных дней. Моя бессонница. Мое прощание с публицистикой. Мой час самосуда... Мои проблемы.

Но Он ушел от невозможности жить в мире перевернутых ценностей, и если капитализм – это уничтожение Ему подобных, то пропади этот капитализм пропадом вместе со всеми своими сладкими палочками.

Впрочем, все «измы» к дьяволу, когда речь идет о таланте.

Талант обречен сопротивляться «измам», которые, как известно, не выбирает.

Талант состоялся – в отпущенное Ему время, в отведенных ему обстоятельствах.

И не пора ли выбросить на нынешний изобильный рынок полное собрание сочинений Николая Самохина, от милых газетных юморесок до пронзительных повестей поры Его творческой зрелости?

Не вымерли же все до одного Его бывлые поклонники, почитатели многокрасочного таланта.

А если вымерли старые, появятся новые. На этот счет у меня нет сомнений – друг мой Коля смеялся всерьез над человеческой природой, которая не меняется так скоро, как режим, вожди, лозунги...

Читаю Самохина. Перечитываю. Смеюсь. Плачу. Возрастное, что ли?